

ЛЮБОВЬ БОЛЬШАКОВА
ГАЛИНА ГАЦУКОВИЧ

ДОМ, В КОТОРОМ ТЕПЛО

Любовь Николаевна Большакова Галина Александровна Гацукович Дом, в котором тепло

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73890792

*Дом, в котором тепло : документальная проза / Л. Большакова, Г. Гацукович. – СПб. : ,: Четыре; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-908079-74-7*

Аннотация

Мемуары. Книга повествует о жизни приёмной семьи из Республики Коми – супругов Гацукович Галины Александровны и Олега Зиновидовича. За тридцать один год они стали родными для двадцати двух детей, и этот список ещё не закончен. Это рассказ – откровение, рассказ – размышление приёмной мамы. Она делится радостями и заботами большой семьи, вспоминает хороших людей, которые встречались на жизненном пути и поддерживали семью, раскрывает свои секреты воспитания, даёт материнское напутствие каждому своему сыну или дочери, вступающим во взрослую жизнь.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Начало	8
Детство	12
Школа	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Любовь Большакова. Галина Гацукович Дом, в котором тепло. Документальная проза

Сейчас мне совершенно ясно, что семья – это микрокосмос всего мира... Если мы приложим все усилия, чтобы семья стала тем местом, где человек может получить настоящее гуманистическое воспитание, мы обеспечим себе более безопасный и человечный мир вокруг. Семья может стать местом формирования истинных людей.

Вирджиния Сатир¹

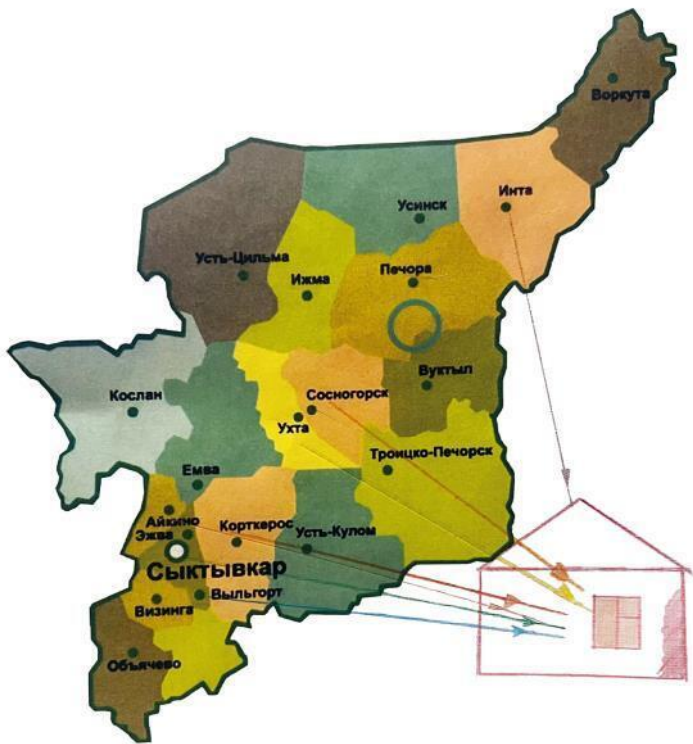

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Л. Большакова, Г. Гацукович, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Дом, в котором тепло!

Предисловие

Семья. Для человека – это то место, в котором он живёт первую часть своей жизни как ребёнок и вторую часть как взрослый. Семья считается одним из наиболее древних социальных институтов: она возникла в недрах первобытного общества значительно раньше классов, наций и государств. Члены семьи объединяются совместным проживанием, рождением детей, ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью и взаимными обязанностями по отношению друг к другу.

«Семья оказывает влияние на всю жизнь человека, но наиболее значительна и важна её роль в самом начале его жизненного пути, когда закладываются нравственные, психологические, эмоциональные основы личности, формируются нормы поведения, раскрываются внутренний мир и индивидуальные качества, происходит овладение социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребёнка в обществе», – Наталия Плетнева.

В этой книге речь тоже пойдёт о семье, но семье особенной – приёмной. Это будет рассказ матери: без прикрас, как оно есть на самом деле. А есть – это двадцать два ребёнка, выросших под крылом любящих родителей. Жизнь у всех складывается по-разному, но одно в их судьбе общее: у них была и есть семья, где они чувствовали и чувствуют себя

детьми.

Повествование сопровождается напутствиями и рассуждениями приёмной мамы, Галины Александровны, и комментариями психолога.

Что такое семья? Говорят дети:

Семья – это поддержка, любовь, дом, где всегда тепло и уютно.

Семья – это где любят и ждут, где можно быть собой, чувствовать себя в безопасности.

Семья – это круг родных людей, людей, которые доверяют друг другу, любят друг друга.

Семья – это спокойствие, это мир.

Семья – это радость, это мама и папа.

Семья – это когда ты не один.

Когда человек родился, он же не может жить один и у него должны быть мама и папа.

Семья – это любить друг друга и вместе жить.

Семья – это то, что нужно любому человеку.

Начало

Почему в жизни случается так, а не иначе? Почему происходят встречи и расставания, которые меняют всю жизнь человека? Почему у неё, у Гали, получилось в жизни именно так?

Галина, а для детей и педагогов в школе Галина Александровна, – высокая, статная женщина с короткой стрижкой, карими глазами, живым, пронизательным взглядом. Во всём облике чувствуется уверенность, напористость и вместе с тем доброта и женственность.

Она задумчиво смотрит в окно на струйки дождя, бегущие по стеклу, на тёмный край слякотного неба, на мокрую дорожку к дому. И вспоминает...

Отец Галины, Александр Петрович Хотченков, тогда просто Саша, приехал в эти места как переселенец, вернее, был выслан со Смоленщины как пособник и враг народа вместе с другими репрессированными, работавшими на оккупированной территории. А ему-то и было тогда всего четырнадцать лет. В эти края был выслан и его брат, Иван Хотченков, старше Александра на два года (!). Вот так, волею судьбы, они оказались на Коми земле. У отца были и другие родственники: сестра Екатерина Петровна осталась на Смоленщине, брат Гурий Петрович – в Краснодаре. Общались ли

они? История умалчивает. Вряд ли! Родня роднёй, но Александр и Иван – «пособники врагов», а это было очень большим препятствием для общения. Что тут скажешь! Многие судьбы в те годы были сломаны одним росчерком пера.

Надо сказать, что в числе репрессированных на Коми земле жили латыши, литовцы, русские, немцы, а также отбывшие срок заключённые, оставленные в леспромхозе до окончания войны: финны, китайцы, корейцы, иранцы – полный интернационал. Жили они в наспех построенных бараках или (не в лучших) домах барачного типа, с двумя входами с разных сторон.

Но жизнь есть жизнь. Человек ко всему приспосабливается. Так и здесь. Переселенцы, постепенно обустроиваясь, заводили семьи. Александр – худощавый, высокого роста, статный на вид парень, балагур к тому же, с чувством юмора, умел поддержать компанию. На одной из посиделок юноша познакомился со своей будущей женой Холоповой Ниной Степановной, которая приехала с сестрой из села Руч Усть-Куломского района. Сейчас уже никто не может сказать, почему девушки оказались в посёлке для переселенцев. Можно только предположить, что приехали они, как и многие другие, на заработки. Нина, коми девушка невысокого роста, темноволосая, спокойная, с застенчивой улыбкой и живым взглядом, сразу приглянулась Александру. Полюбили молодые люди друг друга, вскоре и расписались по-простому в сельсовете. Дома посидели вечером за столом – вот и сва-

дьяба. Сестра Нины, Анна Степановна, жившая там же, тоже вскоре вышла замуж – за ссыльного немца Эмиля Готлибовича Унгера. Любовь любовью, а только Нина, да и Анна оставили свои фамилии. Мало ли что! Мужья не обижались, понимали. Дети же Нинины, в том числе и Галина, были, как положено, записаны на фамилию отца – Хотченковы. А вот у сестры Анны только старший сын взял фамилию отца – Унгер, остальные дети – фамилию матери.

Родители Галины, и мать и отец, не имели почти никакого образования. Мама окончила лишь четыре класса школы, отец тоже освоил четыре школьных года ещё на Смоленщине. Это было нормально. Сейчас мы можем сказать, что четыре класса – это не образование, а в то время, думается, говорили: «Слава богу, умеет читать и писать». Если учились до седьмого класса и дальше – получали профессию.

Отец очень любил читать: ложился вечерами на кровать и читал книгу, журнал, газету – всё, что попадалось под руку.

Поскольку у отца не было образования, он и перебивался на разных низкооплачиваемых работах: кочегар, сторож, подметальщик, подсобный рабочий. Где брали, там и работал. Не гнушался никакого дела. Мама тоже периодически работала в колхозе, но больше была домохозяйкой. Детей-то какая орава! Она вставала раним-рано, ещё радио и электричество не включали (выключали в двенадцать ночи – включали в шесть утра). Утро поэтому ассоциировалось с треском радио и гимном Советского Союза. Затем голос диктора тор-

жественно и бодро произносил: «Говорит Москва! Доброе утро, товарищи!» В семь часов звучала «Пионерская зорька».

Детство

Галя родилась и жила на так называемом Втором участке (посёлок Кия-Ю) – посёлке для спецпереселенцев, расположенном за двенадцать километров от села Кёрткерос. Основное занятие здесь – сплав леса (для того эти поселения и создавались), да ещё работали на свинокомплексе.

Семья. Галя – посередине

Кроме Гали, в семье родились два брата и три сестры – она посерединочке. Дети появлялись на свет как по заказу – каждые два года.

Старшая сестра Света – скромная, тихая, как мышка, девочка с косичками, была ближе к матери.

Брат Петя – в меру боевой мальчишка, водил дружбу со всеми, иногда скромничал. Учился средненько, с тройки на четвёрку.

Сестра Таня – схожа по характеру со Светой. Такая же скромная, с косами, домашняя девочка.

Галина. Тут надо сказать: ждали мальчика, а появилась она. Родилась дома и сразу не закричала, а просто заорала. Счастливый отец взял на руки: глаза чёрные, как бусинки, крикушка. Одно слово – галка. Так и стала Галкой. Боевая, энергичная, везде успевающая, всем интересующаяся, любящая спортивные игры и беготню с ребятами. Поведением и боевитостью вся в отца пошла.

Сестра Люба – тоже боевая, под стать Галине.

Младший – Саша, но все звали его Шуриком. Это маменькин сынок и баловень... толком не учился.

Такая большая семья.

Пусть годы и тяжёлые, но редко у кого в семье было по одному ребёнку, чаще не меньше трёх, зачастую четыре и пять детей. По тем временам шестеро детей – обычная семья. Так жили!

Сейчас, вспоминая это, Галине смешно смотреть на семьи

знакомых, которые переживают и говорят, что у них проблемы с единственным сыном или дочерью. Потому и проблемы, что один ребёнок, считает она. Было бы семеро по лавкам, некогда было бы размышлять, что так или не так. Все друженько друг за другом, у всех есть дела, все трудятся по мере сил для семьи. А главное, чувствуют рядом не пустоту, а плечо друг друга, слышат простые слова поддержки.

В семье на правах помощницы долго-долго жила ещё двоюродная тётка по материнской линии. Звали её Марья-мам. Про неё Галя помнила только, что та была по-деревенски строгой и чуть чего грозила розгами. А розги – дело неприятное и болезненное. Об этом ребяшня всегда помнила и слушалась тётку. Может, ей надо спасибо сказать, потому что они росли по жизни правильно. Потом тётка уехала в Усть-Кулом, к себе на родину.

А ещё вместе с ними жил брат Александра – Иван, инвалид с детства. Дед и бабушка тоже, конечно, были, но они очень рано умерли. Гале тогда едва исполнился год с небольшим. Так что о них она знала только со слов матери и отца.

Посёлок Кия-Ю просуществовал до 1961 года, а затем пошёл под ликвидацию ввиду нерентабельности: то ли весь лес вырубил, то ли сплавать запретили, хотя запрет на молевой сплав² был установлен только в 1995 году. С точки зрения сегодняшнего дня и то, и это могло быть весомой при-

---

² Молевой сплав леса – транспортировка леса по реке не связанными между собой брёвнами.

чиной. Специалисты говорят, что при молевом сплаве леса теряется много древесины – она тонет, застревает на берегах и отмелях, её таскают на берег жители для своих нужд. Реки мелели от неправильной эксплуатации, вырубки прибрежных лесов. Всё это входит в понятие «экологические причины».

Народ потянулся переселяться кто куда мог или хотел: в Максаковку, посёлок сплавщиков под Сыктывкарком, в Корткерос, ещё куда, поближе к своей родине. Все уехали, а семья Гали год жила на участке в полном одиночестве, ухаживая за животными на свиноферме. Свиноферму в конце концов ликвидировали, и семья переехала в другой такой же посёлок для спецпереселенцев, тоже с простым названием – Первый (чего ради придумывать название для переселенцев?). Посёлок расположился на реке Вычегде, за три километра от Корткероса. Гале было тогда уже шесть лет. Жили сначала в маленьком домике близ школы, а потом им выделили щитовой типовой двухквартирный, длинный, как барак, дом у реки, со входами с двух сторон, построенный леспромхозом. Как-то уместились.

В 1965 году поселение было переименовано в посёлок Терейей Корткеросского леспромхоза. Жители так же были заняты на сплаве леса. Ко всему прочему, многие имели индивидуальные подсобные хозяйства – держали скот, выращивали овощи: картошку, морковь, капусту, огурцы, репу да редьку – для того, чтобы не только кусок хлеба был на столе.

Трудные были времена. Если подумать, все времена по-своему трудны. Каждому человеку его трудность выпадает, а на кого и много их наваливается. Но люди не унывают, находят радости в повседневной жизни, поддерживают друг друга как могут. Как правило, в деревнях-посёлках все всегда на виду: и осудят, если заслужишь, и похвалят, если есть за что...

Как ни странно, воспоминания этого периода у Гали остались очень хорошими. Детство как детство, хорошее детство.

Дети в семье Хотченковых жили дружно. Домашняя работа выполнялась всеми, без договоров «ты делаешь это, а я вот это» или «я своё дело сделал, пошёл гулять, а вы работайте». Все вместе, в куче: кто посуду вытирал, кто пол намывал, кто веником махал, но заняты были от мала до велика. Сама Галя очень любила ходить за скотиной, убирать в хлеву. Ей нравилось давать тёплое пойло корове, смотреть, как та шумно пьёт из ведра, затем выкладывает в ясли охапку душистого сена и ждать, пока бурёнка, медленно пережёвывая пучок, повернёт голову в сторону маленькой хозяйши. Галя гладила коровушку, вытирала ей бока сеном и совала кусок хлеба, посыпанный солью. Корова тут же благодарно тыкалась тёплой мокрой мордой ей в ладошки. Кормилица! Доить Галя научилась с двенадцати лет. Ей доставляло удовольствие слышать, как молоко дзинькает по дну ведра, постепенно поднимаясь пенной шапкой. Парное, тёплое, вкусное! Она до сих пор вспоминает свою коровушку, кото-

рая каждый год одаривала хозяев двойней. Такая радость для многодетной семьи. Наверное, в благодарность Галине!

Да что дойка! Она помогала даже принимать опорос у свинушки. Как-то мама занесла домой синего, почти бездыханного новорождённого поросёночка – не жилец. А Галя выходила-таки его: окунула в горячую воду, растёрла докрасна, вытерла насухо, завернула в чистую тряпицу, он и ожил. Вырос огромный хрюш. Отец сдал его (в то время мясо сдавали государству, и это был дополнительный приработок). На вырученные деньги он купил Галине, в то время уже студентке первого курса института, пальто с модным песцовым воротником и длинные, до колен, зимние сапоги. Заработала.

На сенокос, на Второй участок, ехали всей оравой. Зброшенный, он зарастал травой, там-то и распределяли сенокосы для всех нуждающихся. А скот держали практически все. Обычно сено начинали заготавливать с конца июня. Отец старался начать косьбу до цветения трав, чтобы больше сохранилось питательных веществ. Ну и смотрели по погоде. Галя как-то вычитала, что в среднем в день бурёнка съедает пятнадцать-двадцать килограмм сена. Она подсчитала, что для их удошной коровушки, да с двумя телятами на подросте, да на овец нужно заготавливать не меньше четырёх-шести тонн сена, а то и больше.

Когда наступала сенокосная страда, мужики, чтобы с утра накосить побольше, уезжали на неделю-другую на сенокосы, жили в палатках. Отец говаривал: «Коси, коса, пока роса».

Трава была высокая, мужики вставали по четыре человека в ряд и шли, махая в ритме косой, а сзади за каждым косцом ложилась полоса скошенной травы. Остальные домочадцы вставали ранёхонько и на грузовике, который для этих целей выделял леспромхоз, ехали на сенокос помогать мужикам. Интересно было стоять у кабины, смотреть на красоту раннего утра, на пробегающие мимо кусты и деревья, чувствовать, как ветер бьёт в лицо, лохматит волосы, уносит остатки сна.

Вот и сенокос. Дети и женщины, подталкивая друг друга, со смехом и шутками сыпались, как горох, из кузова грузовика и тоже принимались за дело. Как подсыхало кошеное, брали грабли и шли ворошить сено да из кустов выгребать, выносить на светлые сухие места. Потом нужно ещё было сгребать в копны, затем нести складывать в стога. Стога ставили там же, потом на машинах увозили домой. Могли оставить до зимы.

А какая еда вкусная на сенокосе! Мама заранее варила дома картошку, яйца, дети собирали с гряд огурцы, доставали из погреба квас и молоко, сало. Хлеба брали много, горбушка чёрного хлеба да с молоком уплеталась за милую душу.

Работа длилась до шести вечера, затем ехали обратно. Иногда, правда, дети быстро-быстро управлялись на лугу и пешком пораньше бежали до дому. А это ни много ни мало пятнадцать километров. Очень уж хотелось ребятам попасть в клуб на индийское кино. Для деревенских детей это была

другая, незнакомая жизнь с яркими танцами, песнями, страданиями и любовью.

Их, конечно, не пускали, но они прятались под стульями и смотрели, так даже интереснее. Конечно, киномеханик видел и знал, что так делали, но не выгонял. Добрый был.

Галя с сёстрами под впечатлением индийских мелодий приходили домой, заматывались простынками-сари (красивое название одежды индийских девушек) и устраивали танцы на индийский манер. Даже точку на лбу рисовали красными чернилами.

Галина вздохнула: «Надо сходить как-нибудь с детьми в кинотеатр на индийский фильм».

Такой же большой и шумно-весёлой оравой копали картошку, сушили её вроссыпь на поле, затем сортировали: мелкую отбирали скотине, отдельно затаривали на посадку и на еду. На поле разводили костёр и пекли картошку, выкатывая её веточками, а то и голыми руками, подгорелую, с дымком, из горячих углей, а потом перекидывали из руки в руку и ели просто так или присыпая солью. Постепенно руки и лица у всех становились чёрными от сажи.

Дома мама, бывало, отваривала целый чугунок картошки в «мундирах». Дети садились вокруг исходящей паром картошки, чистили её, обжигая пальцы, и ели с постным маслом. А ещё мама торжественно ставила на стол огромную

чугунную сковороду вкуснейшей картошки, которую жарила на вытопленном сале. Вкус её остался где-то в детстве. Во всяком случае больше такой маминой картошки Галя никогда не ела. А вот выпечкой мама не баловала. Нет, блины да оладушки были часто, а вот чтоб пироги... Может, некогда было, может, мука быстро уходила.

Ездили таким же образом и за ягодами: в шесть утра – в лес, в шесть вечера – домой. Это если за черникой. Каждый собирал в свою кружечку и ссыпал в общий котёл – ведро. Отец записывал количество и всегда всех сборщиков хвалил, шутил, называя их добытчиками. Ехали домой уставшие, показывая друг другу черничные языки. А вот красные ягоды – брусника – и грибы были рядом. Галя, легка на ногу, могла после уроков схватить трёхлитровый бидончик, сбегать в лес и набрать спелой боровики. Запросто!

Не забыть, как ездили на лошадях за сеном или по другой какой надобности. Дети залезали в короб на душистое сено, отец сверху укрывал тулупом, и – ура! – только полозья скрипят да деревья мелькают вдоль дороги. Высунешь голову – тебя вмиг обдаст снежной пылью, и ты снова скорее ныряешь под старый отцовский тулуп.

Были и другие детские воспоминания. Как-то на сенокосе побежала в кустики и ладонью упала на торчащий из доски ржавый гвоздь. Он проткнул основание мизинца правой руки. Мама не растерялась, выдернула гвоздь и заставила полить мочой больное место (какие лекарства на сенокосе!).

Только вечером, когда приехали в Теребей, фельдшер сделала Гале укол от заражения.

Нет, их семья не голодала, несмотря на то что отец, как и все мужики того времени (да и юность была тяжёлой), попи-вал, что греха таить, но хозяйство вёл добросовестно, справно. У них были корова, телёнок, поросята, куры, на огороде росла кормилица-картошка.

Но вот отчего ей всегда было неловко и приносило страдания – это то, какую она носила одежду. Она стеснялась её, потому что носила штопаное-перештопаное да десятки раз стиранное, как все братья и сёстры. Лишней да и просто копеечки часто не было, поэтому запомнилась покупка новых туфель: чёрных, простых, с небольшим удобным каблучком, которая случилась в девятом классе. Они тоже были куплены на заработанные деньги. Галя приходила домой, снимала туфли, внимательно осматривала их и протирала приготовленной для этого тряпочкой. Когда шла куда, опускала незаметно глаза вниз и любовалась ими. Потом они стали малы и благополучно перешли по наследству сестре.

Каждое лето Галя работала, зарабатывала себе на обновку.

Она взяла в руки старенький семейный альбом. Вот мама с папой, Петя, Татьяна, они с Любой... Слезы навернулись на глаза. Вернуться бы хоть на часок туда! Пройтись по улице до дома, посидеть на лавочке...

Судьба раскидала кого куда из родного дома. Обоих братьев нет в живых, сестра Татьяна живёт в Визябоже, где до пенсии работала учителем, Света работала в Корткеросе бухгалтером в сплавконторе, там и обосновалась, Люба укатила в Украину, оттуда перебралась в Москву, где живёт с дочкой и сыном.

Мысли побежали дальше...

Школа

Начальная школа была в Тереее. Училась Галя хорошо. Свою первую учительницу помнила, никогда её не забудет, – Вера Михайловна Коюшева.

Учительница первая моя

Доброго, отзывчивого педагога-маму помнили все. Такой и должна быть первая учительница.

Учеников с каждым годом становилось всё меньше и меньше, и классы объединяли – вместе сидели и занимались и первоклашки, и третьеклашки. С четвёртого класса на учёбу пришлось ездить за четыре километра в Корткерос. Выезжали в семь утра и, считай, на целый день. Вечером надо как-то попадать обратно. Гале очень хотелось оставаться на секции и кружки в школе, но ведь автобус не будет ждать. В конце концов любовь к спорту победила: она оставалась на любимую спортивную секцию. В то время она была универсальной – всё вместе: лёгкая атлетика, волейбол, баскетбол, зимой лыжи. Оставались и другие ребята, а вечером стайкой шли домой. Погода по сезону всякая: и снег, и дождь, и слякоть. Обувь-то очень жалко, новую вряд ли скоро купят, вот и старались аккуратнее идти, по обочине, не ступая в грязь. По возможности снимали – и босиком.

Про Галю говорили, что она «боевая, но не оторва», как можно подумать. Боевая – в хорошем смысле этого слова. За себя могла постоять всегда. А как в деревне? Иначе пропадёшь. Народ деревенский на слова острый, на дела скорый. Её ребятня уважала: она всегда говорила и поступала по справедливости. Если какой сыр-бор возникал у ребят, бежали к ней. Она слушала, кивала и разбирала дело так, что

никто не обижался.

Сама Галя довольно критично относилась к своей внешности: считала себя некрасивой, невзрачной, оттого, может, и стала боевой – терять-то нечего. Не надо было жеманиться, да глазки закатывать, да краснеть скромненько – какая есть, такая и есть. Она увлекалась спортом, всегда участвовала в соревнованиях – всё это давало свои результаты. На школьные вечера она тоже ходила, а потом спокойно могла одна идти домой по тёмному лесу. Она всех знала, и её все знали. Может, время было другое. Кто-то скажет: «Родители-то что? Не обращали внимания, где дети?» Нет, родители их любили и внимание обращали. Просто жизнь заставляла быть самостоятельными. Это сейчас все охают да ахают: как ребёнок в школу пройдёт сто метров, надо на машине отвезти!

В её детстве жили без машин, ходили пешком, и ничего, крепкими росли. Хотя нет, транспорт на колёсах у них был – мотоцикл. Родители купили его брату в подарок, и Галя, научившись управлять этим двухколёсным чудом техники, лихо за компанию разъезжала по деревне, пугая кур и гусей.

Училась она лучше всех. Один год даже отличницей была. В посёлке было такое правило: учителя приезжали проводить собрание и все родители слушали про своих чад, собравшись в поселковом клубе. Каждый такой приезд был большим событием для посёлка. Отец раз тоже пошёл на очередное собрание. Надо было видеть, какой гордый он вер-

нулся оттуда: похвалили его дочь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.